

T. Умугт
Час Крэмка

From Moon with love

The Day the earth smiled
A u J

Т. Шмидт

Час Кролика

«Автор»

2026

Шмидт Т.

Час Кролика / Т. Шмидт — «Автор», 2026

2125 год. Солнце покрывается чёрными пятнами, озоновый слой растворяется, Земля охвачена кольцами Полярных Сияний, и нужно чудо, чтобы вернуть все на круги своя и спасти человечество. Доктор Юлия Краузе, создательница «Панацеи», вместе с пилотом Джеймсом Мерфи и штурманом Амперой отправляется в рискованную экспедицию к центру Солнечной Системы. Их цель - исцелить Солнце любыми средствами. Но справятся ли они и точно ли Солнце на самом деле просто больно?

© Шмидт Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
“ФАНТАСМАГОРИЯ”	6
I	6
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Т. Шмидт

Час Кролика

Будем как Солнце!
Д. К. Бальмонт

Пролог

2125 год. Луна. 55 лет с момента начала программы «Панацея».

Луна — пустышка, звонкий стеклянный шар, подвешенный на ёлке солнечной системы. Её поверхность тоньше нескольких сотен метров: ударь, и она треснет, обнажив механизмы внутри. Космодромы, дома, людей, похожих отсюда на крошечных муравьёв, корабли и порты.

Доктор Краузе подняла голову, вглядываясь в дрожащую рефракцию звёздного света над поверхностью Луны. Последний маленький огонёк, зажжённая спичка на фоне космического костра, опускался в раскрытые челюсти космодрома. Над вытянутым носом огонькового корабля нависла чудовищная пасть планетарного шлюза, казалось, что Луна — венерина мухоловка — поджидала его, как маленькую мушку, собираясь проглотить не жуя.

В смотровом шаре, выступающем над поверхностью Луны, точно мыльный пузырь, конденсаторы кислорода гнали холодный, иссушенный кварцами воздух, и на толстом панцире стекла оставался незаметный голубоватый налёт. Сквозь него космос становился нежным, туманным, заманчиво-бирюзовым, как небо в начале осени. Доктор Краузе провела пальцами по стеклу, собрав кончиками сверкающие кристаллики. В образовавшейся полосе, как в замочной скважине, космос проклюнулся мрачным, звериным обличем.

— Доктор Краузе, — виртуальный помощник, искин, спроецировался позади, — корабль прибыл. Вас ожидают на космодроме.

Она кивнула, растёрла между узловатыми сухими пальцами голубую пыль, и та осыпалась на пол тающими льдинками.

— Спасибо, Морфей. Я скоро буду.

Искин исчез так же незаметно, как и появился. Доктор Краузе помедлила. За толстым защитным стеклом пролетело несколько спутников, мерцая вдалеке красными огоньками, как бы приветствуя всех неспящих в эту долгую ночь.

На этой стороне Луны, где всегда темно и Солнце не режет глаза ослепительно-белым светом, искусственный воздух приносил мнимое ощущение безопасности. Как будто спрятавшись за терминатором, там, где ни один обезумевший фотон не смог бы добраться них, можно было притвориться, что больное, извергающее протуберанцы Солнце, кашляющее лопающимися, как гнойные нарывы на его поверхности, факелами, не могло бы причинить никому вреда. До недавнего времени претившая ей безжизненная лунная поверхность сейчас казалась надёжнее всех защитных озоновых экранов родной Земли.

К сведению встречающих: Крейсера “Каллисто”, “Призрак”, “Надежда”, “Фантасмагория”, “Буран” совершили посадку в шестнадцатом секторе, убедительная просьба не задерживаться при входе на транспортные платформы и не мешать сотрудникам порта производить сопроводительные мероприятия. Внимание, к сведению...

Она в последний раз бросила взгляд на серебрящуюся в искусственном свете лунную почву и наконец с тяжёлым сердцем покинула смотровой шар.

“ФАНТАСМАГОРИЯ”

I

Мир существовал вверх дном. Точнее, существовал он от центра к периферии, от точки до поверхности сферы, существовал с обратной стороны Луны, где изнанка — вогнутость ложки — становилась полом, а центр — потолком, до которого километро-часы вдоль по радиусу окружности.

Огромные площади зеленых полей простирались над нами и убегали в высоту, взволнованные искусственным ветром. Дома, уподобившись облакам, превращались в парящие города над цветущими лунными просторами, и только над поверхностью космодрома не было ничего, кроме железа и света. Корабли проникали сюда сквозь шлюзы, прорастали из-под ног подобно бобовым стеблям и замирали, схваченные наполовину между *там* и *здесь*.

На космодроме было шумно. Я протиснулась сквозь толпу рабочих, встречающих экипаж, позволила искину снять биометрию и наконец поднялась на платформу — полы пальто подхватил турбулентный поток затихающих турбин, в лицо ударил жар разгоряченных двигателей. «Фантасмагория» возвышалась над платформой, исполинских размеров стела, сияющая проблесковыми огнями и люминесцирующими панелями, почти такая же величественная, как и четыре года назад, когда я в последний раз видела её на Земле.

Несколько челноков отпочковались от крейсера, выскользнули из его огромного тела и, как пушинки одуванчика, разлетелись в разные стороны. Медленно планируя, они опускались над нами, и в их прозрачных куполах можно было разглядеть приникших к стеклам членов экипажа.

Мимо меня прошла группа медиков — человек тридцать, не меньше — в летящих зеленых пончо. За ними на антигравитационных тарелках пролетела груда всякого оборудования.

Звездоходцы показались в открывшемся шлюзе. Высыпали из него, гремя магнитными башмаками, мужчины и женщины с загорелыми лицами. В разноцветных скафандрах, светло-оранжевых, голубых, зеленых, с нашивками звезд и планет они проходили мимо, не замечая меня. Я вытянула шею, чтобы разглядеть идущих последними пилота и штурмана, и чуть не потерялась среди окруживших меня космических титанов.

— Док!

Джеймс возник из пестрой толпы и тут же сжал меня в поистине медвежьих объятиях. У звездоходцев это такая традиция — сожми друга покрепче и посмотри, не выскочит ли из него какая-нибудь инопланетная диковинка. Из меня чуть не выпрыгнули лёгкие и старое искусственное сердце. Я сдавленно похлопала его по спине.

— Я тоже рада тебя видеть.

Джеймс отстранился. На его бронзовом от космического излучения лице сияла довольная улыбка. Косматые, всегда торчащие в разные стороны рыжие волосы были неловко приглажены, серые, почти мельхиоровые глаза возбуждённо блеснули. Он хохотнул и хорошенько прихлопнул меня по плечам.

— Сколько лет, сколько зим! Ты как будто ещё меньше, чем раньше. Тяжело привыкаешь к лунянскому быту?

— Правильно говорить «селенитскому». — Ампера, появившаяся следом, тоже привлекла меня к себе.

Такая же загорелая, в таком же облегчённом скафандре, как у Джеймса, она зубасто, очень заразительно улыбнулась, и, вопреки хрупкому виду, её объятия оказались ничуть не

легче объятий Джеймса. Я крикнула, сдавленная ею, и, смутившись — когда она расцеловала меня в щеки — неловко выпуталась.

— Да, эм, и тебе привет, — растерявшись, я зачем-то отряхнула пальто от невидимой пыли

— Прости, — Ампера рассмеялась и подняла ладони. — Я забыла. Никаких горячих приветствий.

Я почесала нос.

— М. Ну, да. Как там Уран?

— Уран! — Джеймс недовольно всплеснул руками и едва не потерял зажатый под мышкой шлем. — Никакого Урана не было. Гравитация, черт бы её побрал! Ты читала депеши?

— Читала, — согласилась я, заметив, как скривилась Ампера, — но я думала, экспедицию свернули из-за неисправности корабля, разве нет?

— Всё так. Нас чуть не стёрло в порошок за поясом астероидов. Там какая-то мощная гравитационная аномалия. Мы пытались пройти, но потеряли два из трёх двигателей. Пришлось развернуться и идти назад.

— «Призрак» и «Летающий» тоже не смогли пройти, — добавил Джеймс, — мы получили сообщения ещё от трёх кораблей — они не сдвинулись дальше станции.

Ампера поджала губы. Ветер, гонимый охлаждающими турбинами, трепал пряди у их измождённых лиц — впервые я видела их такими подавленными. Как будто кто-то выпил из них часть жизненной силы, просто потому что не позволил выйти дальше земной триады.

— Несколько крейсеров потеряли связь со своими искинами, — добавила Ампера. — Безумие какое-то, честно говоря.

— Да уж, — я покачала головой.

Вокруг нас суетились сотрудники порта. Звездходцев, разбив на крошечные группы, осматривали медики. Кого-то, уложив на левитирующие носилки, тут же, не сходя с платформы, погрузили в медикаментозный сон. Кто-то обошелся витаминными капельницами и теперь сидел, болтая о чем-то с остальными, ожидая прибытия транспортных платформ, пока заботливые сопровождающие стаскивали с них магнитные башмаки и помогали вылезти из скафандров.

— А ты тут какими судьбами? — спросил меня Джеймс, когда мимо нас прошла очередная группа медиков. За ними сонным караваном проплыли лодочки со спящими звездходцами. — Так не бывает — Док и не на Земле.

— По долгу службы, — немного обречённо пробормотала я. — Вам ведь уже сообщили всё, верно?

— Ну как сообщили, — неуверенно протянула Ампера. — Сказали, очень срочное и важное дело, снимайтесь со всех рейсов и не покидайте Луну без приказа. Больше никакой конкретики не было.

— Будет экспедиция.

Я тяжело вздохнула, заметив их озадаченные взгляды.

— Через три дня совет. Потом закрытая конференция. За подробности ответственна не я. Джеймс заинтересованно вскинул брови.

— А кто?

— Доктор Симаков.

— Доктор Краузе, — окликнули меня, и я не успела ничего ответить открывшей рот Ампере.

К нам направлялась группа медиков. Они неожиданно окружили нас со всех сторон, подтащили носилки и капельницу, и старший из них, седоватый низкий мужчина, смешной и кругленький, вежливо откашлялся.

— Не хотелось бы прерывать вашу беседу, — он посмотрел на меня через свои огромные пластиковые очки, — но, боюсь, я вынужден попросить вас...

Медики усадили Амперу на носилки, облепили ее бедную голову липучками датчиков, и, без лишних расспросов, закатали ей рукав, чтобы поставить катетер. У Джеймса забрали шлем, перчатки и в четыре руки стянули с него магнитные ботинки. Поежившись от вида капельницы, я отвернулась.

— Конечно. Все в порядке. Эм, не смею мешать.

Мужчина на это скупно кивнул, пробормотав сдержанную благодарность, и я вынужденно отступила.

— Ладно, увидимся позже.

Джеймс, наполовину вылезший из скафандра, махнул рукой.

— Удивимся.

Ампера попыталась повторить его маневр, но снотворное, так вовремя введенное медиками, позволило ей только зевнуть, и она слабо приподняла ладонь, мол, *свидимся*.

— Пока, Док.

Я кивнула и, сунув руки в карманы пальто, направилась прочь.

II

Мы поднялись в крайнюю башню исследовательского центра. Такое смешное сооружение, похожее на виноградную гроздь, стоящую вверх тормашками, по которой вверх и вниз шныряли темные кабинки лифтов. Я приникла к стеклу. Под нашими ногами уменьшалась посадочная площадка. Академгородок сжался до размера спичечного коробка и мог уместиться в кармашке пальто вместе с фантиками крыш его самолетных ангаров.

— Здесь опять все изменилось. — Джеймс прислонился к перилами рядом со мной. С идеальным пробором безукоризненной укладки, застегнутый на все, до самого подбородка, пуговицы комбинезона, он рассеянно проводил взглядом проплывающие под нами лодочки лунолетов. — Или я забыл, как выглядит дом.

— Нет, здесь все по-старому, — я покачала головой, — по крайней мере, за три года тут ничего не изменилось.

— Ты так долго тут жила?

Я оглянулась. Ампера стояла позади, сунув руки в карманы расстегнутого комбинезона. Рукава, спущенные, были небрежно завязаны у нее на поясе, попирая все видимые рамки уважения к униформе.

— Вроде того. Мне выделили здесь квартирку. Но, ты знаешь, “жила” — это сильно сказано.

Ампера понятиливо промычала.

— Скучаешь?

— По Земле? — спросила я. — Да, естественно. Луна, конечно, прекрасна, и лаборатории здесь отличные, но все тут такое...

Я замолчала, поджав губы, и уставилась на пролетевшую мимо грузовую пчелку-дрона.

— Ненастоящее, — подсказал Джеймс.

Да, верно. Безупречное. Стерильное, как в старом кино о будущем из белого пластика. Лишь имитация жизни, ее бездушное подобие, такое отполированное, что даже травинки в парке академгородка казались на вкус пластилиновыми.

— Джеймс прав. Тут как в подземелье, — произнесла я. — Все эти прожектора, вся эта иллюминация. Я скучаю по настоящему свету.

— Ну, по крайней мере здесь, — Ампера неопределенно махнула рукой, обводя пространство над нами. — Безопаснее, чем на Земле.

— И нет ветра, — вставил Джеймс

Он пригладил волосы, отодвинулся и самовлюбленно посмотрел на свое отражение. На поверхности стекла наши взгляды пересеклись.

— Что? На земных космодромах находиться невозможно. Зря я старался все это укладывать?

Он скорчил рожу, и я слегка улыбнулась. Джеймс, довольный тем, что упадническое настроение было ювелирно перехвачено им в полете, тоже повеселел.

— Ты такой пижон. — Ампера закатила глаза. — У кого ты успел найти лак?

— У стюардесс, — ответил он, щегольски поправив стойку воротника. — Нельзя же идти к руководству как попало. Нужно выглядеть прилично, верно?

И посмотрел на нее через отражение в зеркале. Когда лифт притормозил и Морфей, мелодичным голосом сообщивший о прибытии, галантно открыл для нас дверь, Ампера очень непрофессионально показала Джеймсу язык.

Наверху было тихо. Нас встретила настороженная, почти как в больнице, неприятная пустота. Мы шли, сопровождаемые полупрозрачной фигурой Морфея, через бесконечный лабиринт коридоров в полном одиночестве. Переговорные, лаборатории, серверные. Каждый

уголок башни был тих, так что даже просто шагать казалось неприличным и хотелось пригнуться и идти осторожно на носочках, чтобы ничем не выдать себя.

— Что это с ним? — шепнул Джеймс, когда мимо нас бесшумно проплыл одинокий охранный дрон. Его зеленый глаз тускло моргнул, едва не врезавшись в плечо Амеры, и он растерянно отлетел в сторону, перевернулся и исчез за поворотом.

— Похоже, охранные системы отключены, — ответила я, когда мы вошли в очередной лифт. Морфей вытащил из воображаемого кармана воображаемый пропуск, и мы снова поехали куда-то вверх.

Джеймс прицокнул языком.

— Не нравится мне это.

Мы сдали средства связи. В контейнер в стене отправилась гарнитура Джеймса, плеер Амперы (откуда она взял это старье?), мои очки, мои линзы, ручка (чернильная), планшет и три ключ-карты. Тоже мои.

— Чего это у тебя? — спросила Ампера, когда я, поморщившись, отклеила со своей шеи маленькую звездочку. Та, потеряв контакт, вспыхнула и погасла.

— Нейростимулятор. — Я скомкала несчастный электрод и бросила в контейнер ко всему остальному.

— Выглядит не очень, — сочувствующе протянула она.

Я слабо улыбнулась.

— Ты забываешь, сколько мне лет, дорогая.

Внутри нас встретил доктор Симаков.

— Доктор Краузе.

— Рада снова вас увидеть, доктор.

Я пожалала его твердую, почти как настоящую, бионическую ладонь. Самого доктора Симакова здесь, конечно, не было — да и откуда ему было бы здесь взяться? От Луны до Новосибирска экспрессы не ходят, а чтобы попасть на местный космодром, нужно потратить почти неделю, болтаясь в консервной банке космического «лифта», уходящего с Байконура. Поэтому его нечёткий, как бы плавающий силуэт, собранный ферромагнитами — боже, храни Генриха Альтшуллера — делал его одновременно находящимся здесь и не здесь. Эдакий учёный Шрёдингера.

— Сколько лет, сколько зим, — Джеймс и Ампера обменялись с ним короткими рукопожатиями. Проекция доктора Симакова слабо прихлопнула их по плечам. — Хорошо выглядите, ребята. Как там ближний космос?

— Порядком взволнован, — ответила Ампера, и доктор Симаков понятливо закивал.

— Ну да, да, верно...

И пригласил нас войти.

Эта часть исследовательского модуля была, наверное, самым красивым местом внутри всего мрачного полого пространства планеты. Здесь сферические окна-площадки частично соприкасались с линией светораздела, поблёскивали в лучах задержавшегося рассвета — заря в этом месте как будто бы застыла, навечно скованная беспощадностью приливного захвата — и отсюда же, в периоды наилучшей видимости, открывался потрясающий вид на Землю. Я вновь непроизвольно задержалась у выхода к панорамной площадке, желая хотя бы одним глазком ухватиться за картину родной планеты и...

— Доктор Краузе?

Доктор Симаков окликнул меня, выглянув из прохода.

— Всё в порядке?

Я неловко отступила от шлюза, криво пытаюсь изобразить безразличие к виду родной планеты.

— Да. Разумеется.

И прошмыгнула мимо него. Комната, точнее, кабинет-переговорная, как и все здесь, походила на здоровенный шар (у проектировщиков внутреннего убранства Луны с воображением было не очень) такая, знаете, сфера из изомальта с тонкой плёнкой защитного стекла. Если запрокинуть голову, то можно рассмотреть, как над ним пролетают крошечные «бпла»-шки, ходят люди по тонким полоскам подсвеченных дорог.

— Простите за всю эту секретность, — начал доктор Симаков, когда мы сели за стол. — Мне тоже не нравится, что мы с вами вот так, как бы сказать, инкогнито. Но, сами понимаете, дело серьезное. Я бы даже сказал, астрономической важности.

Ампера, ну дитя, честное слово, покрутилась в кресле, кажется, ужасно довольная ощущением твёрдой земли под ногами. Да и вообще тем, что гравитация хоть как-то работает. Джеймс смерил ее осуждающим взглядом.

— Не буду ходить вокруг да около, скажу так — вы прекрасно знаете, что состояние Солнечной системы, мягко говоря, нестабильно.

Доктор Симаков зашуршал оберткой (извне его проекции) какой-то карамельки, явно пытаясь чем-то занять руки, развернул конфетку, расправил фантик, аккуратно положил на стол так, чтобы геометрическое расположение ручки, блокнота и стакана с водой не нарушалось сторонним объектом, и лишь когда Ампера прервала его осторожным:

— Доктор?

Он поднял голову.

— А, ну да, о чем это я. — Он прочистил горло, поерзал на стуле. — Ириску?

Ферромагнитная ириска показалась нам, судя по всему, не слишком привлекательной, и он неловко положил ее на фантик.

— За последние лет двадцать пять количество вспышек на Солнце увеличилось в шесть раз. Термоядерные реакции ускорены почти в десять, а поверхность с каждым годом открывается все большим количеством чёрных пятен, и нет никакого объяснения такому поведению. — Он сложил руки в нервный замок, оперевшись на стол. — И это только часть, если не упоминать поведение гравитационных сил внутри системы.

— Это дело давно известно, — пробормотал Джеймс.

— Да, не мне вам это рассказывать. Но суть не в том. Вы, должно быть, знаете, что когда всё только началось, доктор Савкин и доктор Краузе возглавляли программу по поиску инструмента контроля Солнечной активности. И была разработана система «Панацея», которая должна стабилизировать все процессы внутри нашей безумной, — он замешкался, заметив мой взгляд, — то есть встревоженной звезды. Верно я говорю?

Я кивнула.

— Но мы думали, все закончилось установкой кольца Нивена, — Ампера нахмурилась.

— Ох, бога ради, это же сущая бутафория. Кольцо, конечно, помогает сдерживать радиоактивное излучение, и весьма эффективно, вот только очень скоро ни озоновые экраны, ни даже Раковина Покровского нам уже не помогут. Вот почему доктор Краузе здесь.

Вот почему я здесь.

Саму концепцию лекарства для Солнца придумал доктор Савкин, мой научный руководитель, лет, наверное, сорок назад. Он первым предложил использовать солейл не только в качестве топлива и источника энергии, но и попробовать на его основе разработать нечто, что могло бы повлиять на солнечную активность, так как свойства геонейтрино и обычного очень и очень схожи. А потом пришла идея о саморегулирующейся системе, которая могла бы поддерживать работу звезды без нашего вмешательства. Вот так и родилась «Панацея». Принцип её работы был ужасно прост: сгусток солейла оснащался ботами, которые, объединившись, работали как пчелиный рой. Квадриллионы малышей, управляемые нейросетью, сплетали нестабильные атомы солнечного ядра с помощью прочных связей, обеспечиваемых солейлом, и должны были привести состояние Солнца в норму.

Идея долгое время жила только на бумаге. Научный совет Земли не поддержал разработку потенциально непредсказуемого, да еще и разумного, инструмента контроля ядерных реакций, и МАКошь наложила вето на весь наш проект. Слишком опасно. Слишком сложно. Слишком-слишком-слишком. *«Разве не вы еще вчера осуждали человечество за беспечность в своих изысканиях?»* — хитро спрашивал доктор Савкин, получив очередной отказ на проведение экспериментов. — *А теперь, когда появились новые игрушки, сами пренебрегаете осторожностью. Дайте срок. Все будет».*

И все было. Когда активность Солнца достигла опасных значений и Полярные сияния расплзлись по всем поясам освещенности, о нашем проекте вспомнили. Как сейчас помню первые присланные Джеймсом с Амперой фотографии Земли с борта «Фантазмагории». Несчастливая Земля полыхала будто зажженная газовая конфорка. Синяя, красная, зеленая. Костер размером с планету. Помню, как Джеймс Уэбб, Хаббл, Спектр-М, Резонанс и Арка присылали бесконечные тревожные отчеты со стремительно меняющимся изображением Солнечной поверхности. Спутники сходили с орбиты и падали в океан, не выдержав перегрузки, экспедиции сворачивались, корабли, затянутые в гравитационные воронки, теряли управление и разбивались, налетая на мчащиеся на них астероиды. Солнечная система сходила с ума и грозилась в своем безумии случайно умертвить и нас.

За каких-то четыре десятка лет наша нежная обитель обернулась нашим злейшим врагом. И мы понятия не имели, что с этим делать.

— Погодите, секунду, — Джеймс выставил руки и посмотрел на меня, — но “Панацею” ведь закрыли. Лет, ну “-дцать” назад.

— Программу не закрывали, — ответила я. — Ее просто... не афишировали.

— Работа, после официального “отказа”, шла здесь, на Луне, — продолжил доктор Симков. — И, надо сказать, доктор Краузе добилась в этом немалых успехов. За последние лет десять мы достаточно шагнули вперед, чтобы иметь возможность, наконец, что-то исправить.

— И вы это говорите потому что... — Джеймс перевел взгляд с меня на доктора Симкова.

— Вы будете назначены экипажем на корабль, который доставит “Панацею” к Солнцу.

Через каких-то два года после официального закрытия программы к Солнцу были запущены первые зонды “Панацеи”.

“Демиург-1” и “Демиург-3” вышли из строя, едва покинули земную триаду. Полный отказ бортовых систем, потеря контроля управления, бесконечные ошибки миллионов строк кода, и вот два маленьких ковчега с лекарством для Солнца превратились в космический мусор. “Целестиал” разлетелся в щепки, угодив в гравитационную воронку, малые беспилотники (в количестве почти двух десятков машин), запущенные с орбитальной станции Меркурия, сгорели на подлете к короне, а “Эскулап” даже не сумел покинуть борт запускавшего его “Фантома”. Заряженная в него капсула с “Панацеей” отключила себя от бортовой системы крейсера, а затем просто впала в какой-то кибернетический анабиоз. И сколько бы мы не тыкали в нее воображаемыми “палками”, пытаясь вернуть ее к жизни, все было напрасно.

Так были впустую потрачены почти десять лет титанической работы лучших умов человечества.

Когда отказали последние спутники, единственным, что еще оставалось целым, оказалась исследовательская станция, на которой временно находилась оперативная группа звездодоходцев, следящая за состоянием Солнца. Только благодаря им мы все еще имели возможность получать актуальные данные о самочувствии нашего светила. Кандела со своей командой исправно посылала нам депеши каждые двенадцать часов, а мы продолжали работать.

И вот теперь мы были здесь, готовые совершить очередной рывок.

— Не понял, — сказал Джеймс. — А почему бы не послать зонды? Каждый мало-мальски рабочий корабль оснащён ими.

— Вся аппаратура, управляемая дистанционно, выходит из строя, едва мы приближаемся к короне. Связь отключается, приборы начинают сбоить. Мы послали двадцать шесть беспилотных аппаратов, и ни один из них не вернулся. А это были, пожалуй, наши лучшие экземпляры. Магнитное поле настолько нестабильно, что перебивает даже работу спутников. Не говоря уже об ужасающей мощности солнечного ветра, с которым не справляется половина кораблей.

Лицо Джеймса, равно как и Амперы, приобрело скептическое выражение. Все современные корабли оснащены солнечными парусами, к тому же для солнечных парусов тоже используют это «солнечное топливо». Вообще, вроде как тоже отечественная разработка, но тут бы скорее подошло определение «находка».

Урал — громадная лаборатория, хребет, сверкающий изнутри прожекторами испытательных станций. Его вскрыли, разломали, точно устрицу, и оставили так, добывая из него, как жемчужины, этот «солейл». Название мне никогда не нравилось, по-дурацки как-то звучит. Сам по себе солейл — абсолютно бесполезная штукавина. Но, обогащённый радиоактивными элементами, он, помесь эфира с клеточной мембраной, условно-живой, текучий и невесомый, стал бесценнейшим открытием для всей космонавтики, поскольку являлся чудесным, невесомым источником энергии.

Разумеется, если бы кто-то попробовал увидеть солейл своими глазами — у него ничего бы не получилось. Он прозрачен, летуч и проявляется только при обогащении нестабильными изотопами плутония. И вот тогда это вещество начинает оправдывать своё название — оно мерцает и светится, переливается и журчит, помещённое в точки Лагранжа лабораторных установок, и довольно забавно бурлит в двигательных отсеках.

— То есть вы хотите, чтобы мы добрались до солнечной поверхности экипажем из трёх человек и просто...

— Не совсем трех, но можно сказать и так. Запустили «Панацею», да, — завершил за него доктор Симаков. — Разумеется, это звучит немного...

— Как миссия со стопроцентным летальным исходом, — вставила Ампера.

Доктор Симаков вздохнул.

— Да, *но*, как я уже сказал, мы пытались решить проблему без прямого вмешательства человека, и, увы.

Лицо Джеймса приобрело мрачное выражение. Он обернулся на нас с Амперой.

— Я понимаю свою цель, как пилота, и цель доктора Краузе, но... для чего с нами лететь Ампере? Это рискованная экспедиция. Роль штурмана здесь лучше оставить искину, это внутренняя система корабля, он не связан даже со спутниками, и он может работать сам на себя.

— Поддерживаю мнение Джеймса, — поддакнула я и получила осуждающий взгляд доктора Симакова. — Что? Штурманов у нас много, а Ампера одна. Не понимаю вашу склонность разбрасываться достижениями науки. Прости, дорогая.

Ампера вскинула ладони, мол, никаких претензий. Доктор Симаков неловко прочистил горло.

— Я понимаю ваши опасения, но, как я уже сказал — все системы, кроме ручного управления кораблём, отказывают. Вне зависимости от того, замкнуты они сами на себя или нет. Штурман вам понадобится в любом случае. Джеймс и Ампера — сработанная команда, сколько вы уже вместе летаете? Лет восемь — и ни одной проваленной миссии за вами нет. К тому же...

— К тому же? — подстегнул Джеймс.

Доктор Симаков замаялся — его сероватый контур расплылся и собрался снова, как будто магниты тоже решили заволноваться вместе с ним.

— Некоторые из моих коллег считают, что состояние Солнца может быть вызвано... извне, — несколько уклончиво ответил он.

На мгновение наши взгляды встретились, и он решительно продолжил:

— Солнце — относительно молодая звезда, но ведёт она себя так, словно готовится стать красным гигантом. Что решительно невозможно — его водородный запас предполагает ещё примерно четыре миллиарда лет непрерывной работы, если не учитывать запас образовавшегося гелия. К тому же сигналы, которые мы фиксируем — ритмичны, музыка солнечной сферы как будто нарочно синхронизирована, тактовое возникновение протуберанцев и выброс нейтрино происходят в почти математической гармонии друг с другом.

Вообще-то этот момент мы не обсуждали. Когда меня отправляли сюда со словами: *«Да будет вам, док, приключение на двадцать минут — не успеете сказать «квазисимметричный стелларатор», как вернётесь обратно»*, никто не предупреждал, что речь пойдёт об иных формах жизни. Ну, то есть предупреждали. Но речь шла о моих формах жизни. О «Панацее» — лекарстве для Солнца, а не о контакте с внеземной цивилизацией.

В комнате повисло напряжённое молчание.

— Подождите, — остановила я, подавшись вперёд, — вы же не серьёзно?

— У нас есть все основания так полагать, — нехотя ответил доктор Симаков и скривился, явно борясь со своими «геоцентрическими» убеждениями. — Вероятность, конечно, мала. Но, вы знаете, док, никогда не равна нулю. А Ампера...

Мы все посмотрели на неё. Ампера сидела с крайне задумчивым выражением лица. Брови сошлись у неё на переносице, плавные черты лица заострились — она вся как бы застыла, замерла, точно статуя, поймав наши с Джеймсом обеспокоенные взгляды.

Разумеется, Ампера была не единственным человеком, созданным внутри проекта «Электры». Она просто стала первой. Поначалу создавали только женщин — X-хромосома стабильнее и проще переносит реконструирование на атомарном уровне, не разрушаясь из-за потери или добавления новых элементов в силу «сбалансированности» из-за наличия всех четырёх плеч. Так что у Амперы есть две «младшие сестры» — Кандела и Моль, и три «брата» — Вольт, старший из них, Радиан и Стерadian — генетические близнецы, которым, кстати, недавно исполнилось восемь. Славные мальчишки. Собственно, сам проект предполагал, что рано или поздно человечество столкнётся с внеземной цивилизацией, превосходящей нашу на несколько порядков, и нам пригодятся те, кто будут мудрее и добрее нас, чтобы не разрушить потенциальный союз с нашими соседями по галактике. Когда в нас появится страх перед неизвестным и мы воспротивимся развитию и сотрудничеству, как это было многие века ранее — они будут выше этого. Проще и легче. Чище. Будут теми, кто перекуёт мечи на орала и найдёт способ... договориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.